

К этим мнениям остается только присоединиться, хотя необходимо добавить, что ракурс исследования, предложенный Бахрушиным, возник не на пустом месте. В Московской исторической школе в данный период наблюдается смещение интереса от правительственной колонизации к вольной. Причем последней отдается приоритет в освоении территории России. Такая позиция проявилась в работах Готье, который отошел от своей первоначальной точки зрения о главенствующем значении роли государства в освоении юга, а также в работах Веселовского и Яковлева. Даже в работах традиционного сторонника правительственной колонизации М.К. Любавского произошли изменения в сторону признания приоритета вольной колонизации¹. В этом смысле работы Бахрушина по истории Сибири, где освоение этого региона рассматривается не как процесс завоевания, а как процесс вольного освоения, органично вписываются в эту тенденцию. Впрочем, надо отметить, что некоторые современные исследователи считают, что значение вольной колонизации региона было сильно преувеличено. Так, историк В.Д. Пузанов, проанализировавший роль военного фактора колонизации, считает: «Без участия Русского государства, в лучшем случае, вольная колонизация могла бы привести к образованию нескольких русских поселений на севере Сибири, имеющих торговое и промысловое значение. Южные и центральные части Западной Сибири остались бы в этом случае совершенно без русского влияния»². Таким образом, можно констатировать, что вопрос о колонизации русскими Сибири продолжает сохранять свою спорность и актуальность.

Статьи и книги по истории Сибири поставили Бахрушина в ряды наиболее авторитетных историков страны. Но это заслуженное положение в скором времени было перечеркнуто начавшимися репрессиями.

3. Обобщающие работы Ю.В. Готье и С.Б. Веселовского

Значительное место в творчестве историков «старой школы» стали занимать научно-популярные и обобщающие работы. Так, Готье считал, что в сложившихся условиях нормальными исследованиями заниматься нельзя, поэтому надо сосредоточиться на осмыслении того, что уже было наработано. По такому же пути пошел и Веселовский.

¹ Дегтярев А.Я., Иванов Ю.Ф., Карев Д.В. Академик М.К. Любавский и его наследие // Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М., 1996. С. 45.

² Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.): Автореф. дисс. ... д-ра истор. наук. М., 2010. С. 36.

Магистральным направлением научной деятельности Готье в 1920-е гг. стало написание итоговых для него работ по археологии. Увлечение молодости позволяло изучать вопросы, находящиеся на значительном временном удалении от современности, а значит — и более безопасные. В 1925 г. он публикует монографию по археологической истории Восточной Европы до середины IX в.¹ Книга в первую очередь интересна тем, что в ней автор высказал много важных мыслей о соотношении истории и археологии. С точки зрения автора, до сих пор отечественная археология шла по пути собирания артефактов. По его справедливому замечанию, археологическая наука должна отказаться от простого собирательства и перейти к обобщению полученных материалов. «Уклонение от выводов и обобщений и отчужденность от русской исторической науки и вопросов ею поставленных — вот, если не болезнь, то изъян нашей археологической науки». Историк призывал: «Пора пересмотреть взаимные отношения обеих наук, пора установить между ними ту теснейшую связь, которая всеми чувствуется, но не достаточно сознается»². Здесь Готье повторял собственные мысли, высказанные в программной статье «Что дала археологическая наука для понимания древнейшего периода русской истории»³, опубликованной еще в 1916 г.

В понимании автора, большую роль археология должна оказать на изучение истории русской колонизации. В этом вновь проявилась традиция Московской школы, ставшая органической частью научного мировоззрения Готье. Он писал, что археологический материал позволит проследить продвижение славян по Восточно-Европейской равнине, приведшее к формированию русского этноса⁴. Автор обоснованно писал, что расширение хронологических рамок изучения начальных этапов эволюции русского народа и государства позволит вернее решить наболевшие вопросы⁵.

Дальнейшие рассуждения Готье, основанные на археологических данных, открывают неожиданную сторону его исторической концепции. Он указал на то, что многие современные ему историки и мыслители считают, что Россия представляет собой самостоятельное целое — Евразию. Здесь он, очевидно, намекал в первую очередь на евразийское движение, особенно мощно заявившее о себе в эмигрантской среде. Кстати, этот факт говорит о том, что оставшиеся в Советском Союзе знали работы

¹ Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. М., 1925.

² Там же. С. 10.

³ Готье Ю.В. Что дала археологическая наука для понимания древнейшего периода русской истории // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. 132–138.

⁴ Готье Ю.В. Очерки по истории материальной... С. 12.

⁵ Там же. С. 18.

своих коллег-эмигрантов. С его точки зрения, данная концепция имеет под собой основание: «Я думаю, что если к делу привлечь факты и явления, то мнение о России, как Евразии, получит для многих, может быть, неожиданное, но веское подтверждение»¹. Он считал, что восточное влияние на развитие русского народа было «почти предвечным»². Но во взглядах Готье были существенные отличия от историков-евразийцев. По его представлениям, определяющее влияние на Россию оказали не кочевники, которые, наоборот, только вредили ее развитию, а «цивилизованные» страны Востока.

Археологические штудии получили продолжение в монографии «Железный век в Восточной Европе». Анализируя историю целого региона в мало изученный период его жизни, автор призвал использовать для реконструкции целый комплекс источников: письменные и материальные памятники, данные лингвистики и топонимики и т. д. Такой комплексный подход, по верной мысли историка, позволяет наиболее адекватно решить поставленные вопросы³. В книге Готье развил свои мысли относительно использования археологического материала в других науках исторического цикла. «...Устойчивость некоторых бытовых явлений и пережитки прошлого, упорно сохраняющиеся в постоянно обновляющейся жизни, позволяют находить объяснение форм быта, открываемых археологическими памятниками, в некоторых обычаях и верованиях... Этим определяется необходимость прибегать для объяснения археологического быта к наблюдениям и выводам современной этнологии»⁴, — считал автор. В данном отрывке отчетливо выражена мысль о продуктивности применения метода пережитков, что свидетельствует о высоком методологическом уровне археологических исследований Готье.

В вопросе о происхождении славян Готье считал, что древнейшим названием славян было «невры». В современной археологии такие представления отвергаются. Значительное внимание было уделено роли Хазарского каганата в истории региона. Готье утверждал, что «историческая роль хазар не столько завоевательная, сколько объединяющая и умиротворяющая»⁵. В этом он предвосхитил работы современных историков, указывающих на большое влияние Хазарского каганата в восточно-европейской истории⁶.

¹ Там же. С. 14–15.

² Там же. С. 17.

³ Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930. С. 3–25.

⁴ Там же. С. 121.

⁵ Там же. С. 70.

⁶ Например: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Археология позволила, по мнению автора, подкрепить новыми фактами концепцию эволюции русского государства, предложенную В.О. Ключевским. Готье считал, что археологические данные подтверждают теорию великого историка о торговом характере древнерусских городов, ставших основой Киевской Руси¹. В своей книге историк выступает как последовательный сторонник норманнской теории. С его точки зрения, роль норманнов в образовании древнерусского государства была огромной. Несмотря на то что очень скоро они усвоили многие черты местного славянского населения, их призвание сыграло роль катализатора генезиса русской государственности. «Для инертного и пассивного славянского населения норманны были тем возбуждающим и вызывающим брожение элементом, который было необходимо привить ему для перехода от разрозненного городского и племенного строя к более развитым общественным формам»², — писал Готье.

Подводя итог, заметим, что археология занимала важное место в научном творчестве Готье. Археологические работы историка, безусловно, требуют того, чтобы их кропотливо проанализировали на предмет их соответствия современным представлениям археологов. Но то, что они были написаны на новаторском для своего времени методологическом уровне, призывая провести синтез археологии и общей истории, — бесспорный историографический факт. По справедливому замечанию авторитетного историка археологии А.А. Формозова, Готье первым предложил «опыты исторических построений на археологическом материале»³. Интерес к археологическим изысканиям проявляли П.Н. Милюков, С.К. Богоявленский, М.К. Любавский. М.К. Любавский начинал свой курс лекций, посвященный истории России, обзором древнейших периодов на основе археологических материалов⁴. Как показало время, именно такой синтез оказался наиболее плодотворным в развитии отечественной как археологии, так собственно и истории, а ученые, его осуществившие (Б.А. Рыбаков, В.Л. Янин и т. д.), прочно вписали свои имена в историю науки.

Еще один представитель младшего поколения Московской исторической школы, Веселовский, в 1920-е гг. сконцентрировался на изучении проблемы феодализма в русской истории. В историографической литературе до сих пор нет отчетливого представления о том, когда историк обратился к указанной проблематике. В статье В.Д. Назарова указано,

¹ Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе... С. 230.

² Там же. С. 262.

³ Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд. М., 2006. С. 36.

⁴ Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. СПб., 2002. С. 20–122.

что «проблематика феодального землевладения стала преобладать в изысканиях С.Б. Веселовского в послереволюционный период»¹. Недавно изданные источники позволяют уточнить данное замечание. Так, в письме А.И. Яковлеву, датированном 1918 г. Веселовский упоминает о русском «феодализме», которым он сейчас увлекается и живет². Причем термин «феодализм» взят в кавычки, что указывает на спорность для исследователя этого понятия применительно к русской истории. Таким образом, интерес к истории феодального землевладения, судя по всему, появляется у Веселовского накануне революции.

Активное изучение истории землевладения в феодальный период отражает несколько докладов, сделанных Веселовским на Ученом совете и секциях РАНИИОН. 18 ноября 1922 г. прозвучал доклад «Вопрос о происхождении крепостного права при свете новых исследований»³; 6 октября 1923 г. — «Несудимость привилегированных землевладельцев и их право вотчинного суда в XIV–XVII вв.»⁴. В 1926 г. историк выпустил отдельную монографию, в которой анализировался генезис «вотчинного режима».

В дореволюционной историографии под вотчинным режимом понимался социально-экономический и правовой строй, господствовавший на Руси в XII–XVI вв. Считалось, что Московское государство данного времени являлось разросшейся вотчиной московского князя со всеми элементами вотчинного управления. Веселовский пытался увязать проблему вотчинного государства с русским феодализмом. В этом смысле он продолжал идеи Н.П. Павлова-Сильванского, также отождествлявшего период феодализма с вотчинной сущностью отношений. Ключевой проблемой, по мысли автора, должна была стать проблема вотчинного суда, иммунитета, которая, с его точки зрения, оставалась исследована неудовлетворительно. Н.П. Павлов-Сильванский решал этот вопрос в том смысле, что иммунитет «не был созданием королей... а был исконной принадлежностью крупного землевладения»⁵. Так, иммунные пожалования только фиксировали сложившуюся систему отношений. Веселовский, несмотря на очевидное признание многих идей своего коллеги, считал, что тот «обращал внимание на внешние, главным образом,

¹ Назаров Н.Д. Проблемы феодального землевладения в трудах академика С.Б. Веселовского // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 214.

² С.Б. Веселовский — А.И. Яковлеву // Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 1998. С. 462.

³ Отчет о деятельности Института истории РАНИИОН на 1 января 1922 г. ... С. 532.

⁴ Там же. С. 536.

⁵ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 84.

а иногда на случайные и несущественные черты сходства русских порядков с западными»¹.

В анализе вопроса автор предполагал исходить из постулата о том, что «как судебный, так и податный иммунитет не могут быть сведены к одной причине и сформулированы в двух словах»². Таким образом, историк изначально отказывался от модного в то время упрощенного социологизаторского подхода к исторической действительности.

Осмысление феномена иммунитета Веселовский предполагал осуществить на основе многофакторного подхода. В первую очередь он указывал на тесную связь между развитием иммунитета и древнерусским институтом закладничества. Рассуждая на тему подсудности князю его дружинников и слуг, он, не найдя конкретных данных в источниках, все же считал, что такая подсудность существовала³. В его понимании, в дальнейшем князь делегировал свое право судить другим феодалам. Автор категорически не согласился с мнением Павлова-Сильванского об исконной принадлежности иммунитета крупному землевладению. «Если мы обратимся к источникам, то увидим следующее... Все жалованные грамоты... имеют определенно выраженный личный характер»⁴, — утверждал исследователь. Он рассуждал следующим образом: свободных земель на Руси всегда было много, поскольку история Руси — это история колонизации. Их можно было занимать беспрепятственно, но вот защитить их новые владельцы уже не могли, поэтому самым логичным было перейти под защиту князя, который еще давал и санкцию на управление⁵. Таким образом, формирование иммунитета Веселовский относил на счет княжеских пожалований.

Значительную роль в генезисе иммунитета автор отводил рабовладению. С его точки зрения, именно рабство, когда раб юридически подсуден только его владельцу, стало праобразом иммунитета. По верному замечанию С.М. Каштанова: «По Веселовскому получалось, что в основе иммунитета лежали две линии личных отношений: во-первых, личная зависимость раба или полусвободного человека от своего господина, зависимость должника от кредитора, во-вторых, личные отношения между вассалом и сюзереном»⁶.

¹ *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 5.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Там же. С. 27, 73.

⁶ *Каштанов С.М.* Ранняя советская историография феодального иммунитета в России // История и историки: Историографич. ежегодник. 1974. М., 1976. С. 181.

В этой связи жалованные грамоты, как источник по истории вотчинного режима, в его глазах приобретали особую ценность. За основу изучения автор решил взять наиболее «развитые формы» грамот. В них он выделил четыре основных положения: «1) неподсудность и неподведомственность самого грамотчика и его людей местным властям; 2) право грамотчика ведать и судить своих людей; 3) сместный суд грамотчика с княжеским судьей в тяжбах его людей с посторонними людьми; 4) исключительная подсудность самого грамотчика самому князю или его боярам вверенным, кому князь прикажет судить»¹.

Причины княжеских пожалований виделись ученому в различных целях, нередко эти цели переплетались. Веселовский уловил и неожиданную функцию пожалований. С его точки зрения, князя рассматривали иммунные пожалования как форму управления (путем делегирования части своих прав) своими владениями².

Сложившаяся практика способствовала формированию особой социально-экономической структуры. Автор рисовал ее следующим образом: «Каждая ячейка представляла из себя самостоятельную, то более, то менее полно обособленную хозяйственную, податную и судебно-административную единицу. Несудимость и независимость от наместников и волостелей... давали этим ячейкам необходимые для жизни и ведения хозяйства свободу и самостоятельность»³. Историк считал такое строение общества важнейшей чертой социально-политического строя Руси XIV–XVI вв.

Анализируя дальнейшую эволюцию пожалований, Веселовский пришел к выводу, что к середине XVI в. они окончательно превратились во всеобщее правило, поэтому их перестали оформлять в виде грамот. Вотчинное землевладение сформировалось, и на его основе происходило быстрое развитие крепостничества.

Таким образом, Веселовский предложил сугубо юридическую трактовку генезиса феодального землевладения на Руси. Его концепция базировалась на приоритете законодательной деятельности князя над естественным социально-экономическим развитием. Кстати, здесь в очередной раз проявилось научное мировоззрение ученого, его отрицание predeterminedности исторического развития, приоритет конкретно-исторического подхода в анализе явлений. Истоками концепции ученого стали идеи В.И. Сергеевича, который также отдавал приоритет в развитии института иммунитета княжеским пожалованиям⁴.

¹ *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима... С. 23.

² Там же. С. 82–83.

³ Там же. С. 83–84.

⁴ *Каиштанов С.М.* Указ. соч. С. 182–183.

Книга вызвала закономерный интерес в среде профессиональных историков. обстоятельную рецензию на нее написал А.Е. Пресняков. Он согласился с мнением Веселовского о том, что «полицейская власть землевладельца» предшествовала закреплению крестьян¹. Но вот основную концепцию автора рецензент не принял. В его понимании, решение Веселовским вопроса генезиса иммунитета приводило к отрицанию феодализма вообще и заменой его понятием «вотчинного режима». С его точки зрения, в своем исследовании Веселовский рассмотрел проблему статично, не делая различий между ранними формами вотчинного землевладения и эпохой развитого крепостничества. Пресняков обоснованно считал, что «такая чрезмерная широта понятия „вотчинный режим“, объединяющая в одном определении многовековую эволюцию, научно бесплодна, даже определенно вредна»². Бездоказательным Пресняков считал и мнение о княжеских пожалованиях как главном источнике иммунитета. Он поддерживал ту точку зрения, по которой иммунитет — это следствие, а не причина формирования феодального землевладения³. Заметим, что данное представление в советской и современной историографии стало практически общепризнанным. Критику концепции Веселовского поддержал Б.Н. Тихомиров, вставший на сторону А.Е. Преснякова⁴.

В то же время Бахрушин весьма лестно отозвался и о работе Веселовского, и о его концепции. Он писал: «Трудно дать более яркую картину феодального расчленения общества, хотя автор нигде не употребляет слово „феодализм“. Ценность этих наблюдений заключается в том, что Веселовский заполняет свою схему конкретным материалом, материалом свежим, до сих пор не использованным, частично даже и неизвестным»⁵.

Несмотря на отдельную критику, Веселовский в дальнейшем сконцентрировался в своих исследованиях на обосновании концепции вотчинного режима. В статье «Отмена Юрьева дня» историк указал на то, что, с его точки зрения, анализ закрепощения крестьян через призму эволюции вотчинного режима является крайне перспективным⁶. Эта

¹ Пресняков А.Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость // Летопись занятий постоянной Историко-археологической комиссии. За 1926 г. Вып. 34. М., 1927. С. 175.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 181.

⁴ Тихомиров Б.Н. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси // Историк-марксист. 1936. № 3. С. 4.

⁵ Бахрушин С.В. [Вопрос о русском феодализме в научной литературе] // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России... С. 75.

⁶ Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 34.

идея получила развитие в небольшой статье, написанной в 1929 г., но так и не увидевшей свет. Веселовский категорически отрицал безуказную теорию закрепощения крестьян. Он отметил, что ссуды крестьянам давались редко, поэтому и не могли стать источником крепости. Но главная причина несостоятельности данной теории заключалась в том, что кроме закабаления существовало большое количество других путей юридического оформления ссуды¹.

Историк увязал развитие иммунитета с прикреплением крестьян. В его понимании: «Ответственность землевладельца за своих крестьян была чрезвычайно важным фактором развития крепости»². Причем эта зависимость была обоюдной: если землевладельцы отвечали за своих крестьян, то крестьяне отвечали перед землевладельцами. В интересах землевладельцев было создать такой режим, при котором нести эту ответственность было бы проще, т. е. крепостничество. Во время Ивана Грозного государство вынуждено было идти навстречу землевладельцам, поскольку страна была разорена Ливонской войной и опричниной, а содержать войско и чиновничий аппарат было не на что³. Укажем, что схожую концепцию предложил Яковлев в своей монографии «Приказ сбора ратных людей». Очевидно, что его идеи повлияли на Веселовского.

Конкретно-исторические исследования вновь подтолкнули историка к методологической рефлексии. Важнейшие мысли, посвященные технике исторического исследования, находим в дневниковой записи Веселовского, датированной 21 ноября 1928 г.⁴ Историк недавно опубликовал небольшую монографию «К вопросу о происхождении вотчинного режима» и приступил к написанию книги «Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси», труда, ставшего для него итоговым. Работа над столь сложной темой заставила ученого вновь обратиться к осмыслению проблем ремесла историка. В самом начале Веселовский отмечает, что ученый должен избегать как «симплификации» (упрощения) прошлого, так и «беспомощного эклектизма». Для этого необходимо «большое напряжение исследовательской мысли при солидной подготовке и изучении фактов»⁵. На его взгляд, исследователь не может представить полную картину прошлого по причине фрагментарности дошедших до нас источников. Но при этом в положении историка есть и плюсы: он

¹ Там же. С. 57–58.

² Там же. С. 55.

³ Там же. С. 60.

⁴ С.Б. *Веселовский* в письмах, мемуарах, дневниках / Подг. А.М. Дубровский // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 2004. С. 215–241.

⁵ Там же. С. 226.

может рассмотреть интересующие его вопросы в широком историческом контексте, тем самым увидев то, что не могли заметить современники. Но и здесь Веселовский пишет о необходимости осторожности: «Историк всегда подвергается опасности (искушению) объяснять и оценивать те или иные явления прошлого по результатам»¹. Историк как бы навязывает прошлому то, чего там никогда не было. Это может привести не только к тому, что исследователь неправильно интерпретирует исторические процессы или события, но и вообще потеряет «способность устанавливать факты прошлого».

4. Московские историки и «Академическое дело»

Ситуация, когда параллельно друг другу существуют две корпорации историков, не могла продолжаться вечно. Новые власти терпели «старых специалистов» только до тех пор, пока их нечем было заменить. Как только для нормального функционирования сети высших научных учреждений было обучено необходимое количество молодых специалистов-марксистов, над историками «старой школы» начали сгущаться тучи.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. по стране прокатилась целая серия процессов над политическими партиями, старой интеллигенцией, техническими специалистами. В науке это вылилось в «Дело славистов», аресты археологов, биологов и, конечно же, знаменитое «Академическое дело». Среди историков до сих пор нет единого мнения относительно того, кто являлся инициатором процесса. С точки зрения А.Н. Цамутали, Б.В. Ананьича, С.Б. Свердлова и В.М. Панеяха, безусловным заказчиком дела является советская власть в лице ОГПУ. Иного мнения придерживается В.С. Брачев, утверждающий, что «Академическое дело» спровоцировали историки-марксисты для борьбы против конкурентов, т. е. историков «старой школы»². Думается, что в данном споре ближе к истине первые. Об этом свидетельствуют и найденные документы³, и сам контекст эпохи. Синхронная серия процессов не могла возникнуть случайно или оказаться простым совпадением. Трудно также представить, что историки-марксисты рассматривали в качестве своих соперников биологов, против которых также проходили процессы в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Тем не менее не стоит забывать и то, что персональный

¹ Там же. С. 227.

² Подробнее о полемике см.: *Панеях В.М.* К спорам об «Академическом деле» 1929–1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах // <http://www.rostmuseum.ru/publication/srm/013/paneyah01.html>.

³ «Осталось еще немало хлама в людском составе». Как начиналось «дело Академии наук» // Источник. 1997. № 3–4.